

УДК 821.161.1 (09)
DOI 10.17223/19986645/29/12

Е.Г. Новикова

«ХРИСТОС ВНЕ ИСТИНЫ» И «ИСТИНА ВНЕ ХРИСТА»: Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И Н.Д. ФОНВИЗИНА

В статье анализируется знаменитый «символ веры» Ф.М. Достоевского, содержащийся в его письме к декабристке Н.Д. Фонвизиной от конца января – 20-х чисел февраля 1854 г. Впервые данный многократно изученный и прокомментированный текст исследован на фоне личных отношений Достоевского и Фонвизиной, а также в контексте темы «жены декабристов» в творчестве писателя. На этом основании предложена гипотеза о возможной интерпретации «символа веры» Достоевского как отказа от любой «истины» во имя «сияющей личности Христа».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Н.Д. Фонвизина, декабристы, русская литература, русская религиозная философия.

23 января 1854 г. закончился каторжный срок Ф.М. Достоевского, и в этот день он был выпущен из Омского острога на свободу. «<...> Вышли и мы из острога, чтоб никогда в него не возвращаться», – напишет он позже в «Записках из Мертвого дома» [1. Т. 4. С. 231]. И – финал «Записок»: «Свобода, новая жизнь, **воскресенье из мертвых**¹... Экая славная минута!» [1. Т. 4. С. 232]. Свобода вернула Достоевскому, кроме всего прочего, возможность почтовой переписки, чем он сразу же и воспользовался. Прямо из Омска Достоевский пишет свои первые после заключения письма: письмо от 30 января – 22 февраля 1854 г. брату Михаилу и письмо декабристке Н.Д. Фонвизиной.

«Братские связи» Ф.М. и М.М. Достоевских «уникальны», – подчеркивает В.В. Дудкин в своей специально посвященной им статье «Михаил и Федор Достоевские: феномен братства» [2. С. 9]. В контексте этих уникальных отношений совершенно особым явлением стали два письма Ф.М. Достоевского брату Михаилу – от 22 декабря 1849 г. из Петербурга и от 30 января – 22 февраля 1854 г. из Омска. Это обращенные к старшему брату две исповеди о казни и каторге, сливающиеся воедино. В первом, написанном в Петропавловской крепости, – рассказ о смертной казни, слова прощания, обращенные к любимому брату и иным близким людям, вопрошание о смерти и о жизни... Второе письмо, от 30 января – 22 февраля 1854 г., как будто бы начинается там, где было прервано первое: «Помнишь ли, как мы расстались с тобой, милый мой, дорогой <...>?» [1. Т. 28/1. С. 167]. И далее следует рассказ о том, как Достоевского, вместе с С.Ф. Дуровым и И.Л. Ястржембским, заковывают в кандалы, провозят по Петербургу, описывается дорога в Сибирь – и каторга. После вынужденного молчания Достоевский пытается передать брату, «что именно в последнее время было для» него «главное» [1. Т. 28/1. С. 167], уже здесь делая первую попытку подвести итоги своего четырехлет-

¹ Фрагмент текста, выделенный Достоевским, дан курсивом, подчеркивание автора статьи – полужирным шрифтом.

него каторжного опыта. Общий пафос его второго письма – тот же пафос воскресения из мертвых для новой жизни, что и в финале «Записок из Мертвого дома»: «На душе моей ясно. Вся будущность моя и всё, что я сделаю, у меня как перед глазами. Я доволен своею жизнью» [1. Т. 28/1. С. 172].

Одновременно Достоевский пишет письмо Н.Д. Фонвизиной, которое датируется концом января – 20-ми числами февраля 1854 г. Как отмечено в Примечаниях к Полному собранию сочинений и писем, оно «<...> было написано по выходе из каторги (23 января) и послано неофициальным путем вместе с предыдущим письмом к брату <...> до отъезда в Семипалатинск, куда Достоевский был отправлен 23 февраля» [1. Т. 28/1. С. 457].

Именно в этом письме Н.Д. Фонвизиной Достоевский и сформулировал свой знаменитый «символ веры»: «<...> я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной» [1. Т. 28/1. С. 176] (см. также: [1. Т. 30/2. С. 423]).

Этот «символ веры» Достоевского неоднократно становился предметом специального анализа, в центре которого, прежде всего, поразительная антиномия «Христа» и «истины». Многочисленные исследователи вновь и вновь пытаются постичь, как возможно такое противопоставление Бога-Сына Иисуса Христа, который есть Истина, – истине.

Однако до сих пор этот текст исследуется, как правило, вне того контекста, в котором он был написан, – вне контекста обращения Достоевского со своим «символом веры» именно к Н.Д. Фонвизиной. Цель данной работы – интерпретация «символа веры» Достоевского в контексте его восприятия личности и жизненного пути Н.Д. Фонвизиной и шире – в контексте темы «жены декабристов» в его творчестве.

Наталья Дмитриевна Фонвизина (1803/1805 – 1869, урожд. Апухтина) – жена декабриста М.А. Фонвизина, последовавшая за мужем в Сибирь. Основные данные о Н.Д. Фонвизиной содержатся в замечательных «Воспоминаниях» её преданной младшей подруги М.Д. Францевой: «Наталья Дмитриевна <...> была замечательно умна, образована, необыкновенно красноречива и в высшей степени духовно-религиозно развита. В ней так много было увлекательного, особенно когда она говорила, что перед ней невольно преклонялись все, кто только слушал ее. Она много читала, переводила, память у нее была громадная <...> Характера она была чрезвычайно твердого, решительного, энергичного, но вместе с тем необычайно веселого и проста в обращении так, что в ее присутствии никто не чувствовал стеснения» [3. Т. 32. № 4. С. 392].

Как известно, Н.Д. Фонвизина была среди тех жен декабристов, которые встретили петрашевцев в Тобольске. Более того, объявив С.Ф. Дурова своим племянником, она с ним и с Достоевским поддерживала связь в течение всего их пребывания их Омском остроге. Из «Воспоминаний» М.Д. Францевой: «Узнав о дне их отправления, мы с Натальей Дмитриевной выехали прово-

дить их по дороге, ведущей в Омск <...> я должна была еще тайно дать жан-дарму письмо для передачи в Омск хорошему своему знакомому, подполковнику (И.В. – Е.Н.) Ждан-Пушкину, в котором просила его принять участие в Достоевском и Дурове <...> Мы наскоро с ними простились <...> и успели только им сказать, чтоб они не теряли бодрости духа, что о них и там будут заботиться добрые люди <...> Мы имели о них постоянные сведения от Пушкина; он, как инспектор кадетского корпуса, писал мне о них под видом известий будто бы о родственниках-кадетах <...>» [3. Т. 32. № 5. С. 628–629].

Как полагают современные исследователи, «Наталья Дмитриевна была чуть ли не единственным человеком, который писал Достоевскому во время пребывания его на каторге» [4. С. 70]. Действительно письмо Достоевского конца января – 20-х чисел февраля 1854 г. самым непосредственным образом свидетельствует об активной переписке между ними: «Последний раз, как я писал Вам <...> Вы еще давно писали мне о моем брате <...> Я читал все Ваши адреса в письме к С<ергею> Д<урову> и возьму их на всякий случай. Они, может быть, и надежны, но последнее письмо Ваше дошло вскрытое <...> С каким удовольствием я читаю письма Ваши, драгоценнейшая Н<аталья> Д<митриевна>!» [1. Т. 28/1. С. 175], и т.д.

Это письмо Достоевского стало ответом на письмо Н.Д. Фонвизиной от 8 ноября 1853 г., которое сохранилось (в черновом варианте). Впервые опубликовано оно было С.Н. Кайдаш [5. С. 311–313]. Удивительный факт: из всей переписки Достоевского и Н.Д. Фонвизиной до нас дошли только ее письмо от 8 ноября 1853 г. и ответ на него Достоевского от конца января – 20-х чисел февраля 1854 г., в котором – «символ веры» писателя. Поистине рукописи не горят.

В момент создания этих писем Достоевского и Н.Д. Фонвизину объединяла как общая сибирская судьба, так и общая ситуация «воскресения из мертвых»: Достоевский покинул каторжные стены, Фонвизины – Сибирь.

В самом начале 1853 г. благодаря хлопотам брата М.А. Фонвизина – И.А. Фонвизина, – ему было позволено вернуться из сибирской ссылки. М.Д. Францева пишет: «В феврале месяце 1853 года императором Николаем было подписано разрешение о возвращении из ссылки Михаила Александровича Фонвизина. Это был единственный декабрист, возвращенный прямо на родину Николаем Павловичем <...> В начале марта, именно 3-го числа, радостная весть о возвращении Фонвизиных достигла наконец и дальних стран Сибири; неожиданно мне пришлось быть вестницею их свободы. Письмо от брата их, Ивана Александровича, с известием о свободе было переслано через моего отца. Когда Фонвизины из привезенного мною им письма узнали о дарованном им праве возвратиться на родину, то слезы радости полились из глаз страдальцев и всех окружающих; упав на колени, они благодарили Всевышнего за дарованную им давно желанную свободу» [3. Т. 32, № 5. С. 635–636].

Супругам Фонвизиным было предписано жить в имении Марьино Бронницкого уезда Московской губернии, бывшим владельцем которого был И.А. Фонвизин, к моменту их возвращения – скоропостижно скончавшийся. Все обязанности по восстановлению имения, находившегося в крайне запущенном состоянии, была вынуждена взять на себя Н.Д. Фонвизина, поскольку

ку М.А. Фонвизин не мог этим заниматься в силу возраста и слабого здоровья: он был старше своей жены на 16 лет (или даже на 18 – её год рождения является спорным). В следующем 1854 г. он умер.

Письмо Н.Д. Фонвизиной свидетельствует о том, что вслед за чудесным мгновением освобождения последовала новая – и достаточно непростая жизнь. «По возвращению в Р<оссию> я ее не узнала, – сокрушается Н.Д. Фонвизина в письме Достоевскому, – <...> ту, которую любила и считала Матерью родимую, нашла Мачехою противною. Древний вид ее вижу и здесь, но пляшущую, разбеленную, разрумяненную, жеманную, завистливую, клеветническую, кто лучше ее, злою, хвастливую, себялюбивую. Недобросовестною и обирающую всех и каждого – без забот о детях и любых людях и готовую пожертвовать всеми в семье связанными для исполнения своих прихотей и развратных стремлений. Любовь моя к ней превратилась в отвращение. Я и прежде с горечью говорила самой себе (край листа оторван. – С.К.) и упрекала себя за подозрения. Теперь разочаровалась вполне – и ничего доброго не жду от нее. Жаль только бедных братьев моих, которые хотели разуть мою матушку и терпели прежде и теперь терпят от этого. Но все же я за них рада – за всех поэтов, и перенесла любовь мою да еще на меньших братьев, которые хотя и не понимают еще ничего, но страдают, бедняжки, жестоко от ее любимцев и балованных слуг...» [5. С. 312].

В своем письме Н.Д. Фонвизина талантливо продолжает традиции декабристской литературы и журналистики. Здесь использован знаменитый «эзопов язык» декабристской публицистики: декабристы – «бедные братья», «поэты», народ – «меньшие братья», и в этом контексте создан яркий сатирический образ России как «Мачехи противной», «пляшущей, разбеленной, разрумяненной, жеманной, завистливой, клеветнической <...> злой, хвастливой, себялюбивой».

Вслед за Н.Д. Фонвизиной Достоевский в своем письме также размышляет о том, что такое возвращение и каким оно будет: «<...> по вашему письму я угадываю, что Вы с грустью нашли опять родину. Я понимаю это; я несколько раз думал, что если вернусь когда-нибудь на родину, то встречу в моих впечатлениях более страдания, чем отрады <...> кажется, при возврате на родину всякому изгнаннику приходится переживать вновь, в сознании и воспоминании, все свое прошедшее горе» [1. Т. 28/1. С. 176].

Если у Н.Д. Фонвизиной возврат на родину породил глубокое разочарование в ней, то в раздумьях Достоевского возвращение – это, прежде всего, воспоминания о пережитых страданиях: «более страдания, чем отрады», «все свое прошедшее горе», «выстрадал, перенес, потерял»... Страдание становится важнейшей темой письма писателя. Размышляя о нем, Достоевский продолжает: «Я слышал от многих, что Вы очень религиозны, Н<аталя> Д<митриевна>» [1. Т. 28/1. С. 176].

Н.Д. Фонвизина оставила собственные «Воспоминания» о своей жизни, которые до сих пор полностью не опубликованы. Их отдельные фрагменты опубликованы С.Н. Кайдаш [6–8]. В частности, Н.Д. Фонвизина рассказывает о том, что в ранней юности она постригалась в монахини. «Но отец и слышать не хотел о том, а отдали меня (с разрешения Священного Синода) в тот

же год в сентябре замуж за моего двоюродного дядю годами 18-ю меня старше (М.А. Фонвизина. – *Е.Н.*)» [8. С. 201].

«Наталья Дмитриевна Фонвизина, – вспоминает, в свою очередь, М.Д. Францева, – <...> была женщина в высшей степени религиозная и умная» [3. Т. 32, № 4. С. 384]. И далее: «Религиозность ее проявлялась не в одних внешних формах обрядового исполнения, но в глубоком развитии ведения духовного; она в полном смысле жила внутренней, духовной жизнью. Читала всевозможные духовные книги, не говоря уже о Библии, которую знала почти наизусть, читала творения Св. Отцов нашей православной Церкви, писателей католической и протестантской церкви, знала немецкую философию, к тому же обладала еще необыкновенно ясным и глубоким взглядом на жизнь».

С ней редко кто мог выдержать какой-нибудь спор, духовный ли, философский или политический. Как бывало мудро и глубоко умела она соединить мировые события с библейскими пророческими предсказаниями. Не раз приходилось ей развивать архиереям такие евангельские истины, в которые они сами не вникали, и поражать их глубиной своего духовного ведения. Один из тобольских архипастырей настолько поразили ее знаниями, что заставил ее написать объяснение на молитву «Отче наш», которое до сих пор сохранилось. Объяснение этой молитвы ясно высказывает глубокое чувство верующего человека» [3. Т. 32, № 4. С. 392–393].

Закономерно, что именно в контексте переписки с этой удивительной «живущей внутренней, духовной жизнью» женщиной и рождается знаменитое размышление Достоевского о самой природе его веры.

На момент письма Н.Д. Фонвизиной, в ноябре 1853 г., Достоевский находился еще на каторге. Стремясь его поддержать, Н.Д. Фонвизина пишет: «Главное, что Вы живы и по возможности переносите тяжесть Вашей жизни теперешней. Слава Богу и за это – Слава Богу и за то, что в этой земной жизни все изменяется <...> Скажу Вам, что для меня в жизни моей было одно время <...> такого полного земного счастья, что оно мне наконец наскучило <...> Впоследствии было другое время такого полного беспредельного, неукротимого горя <...> Как же не благодарить Бога за то, что Он, зная природу каждого из нас, все в жизни каждого уравнивает, чтобы все поучало и умудряло ответом. От Вас зависит всем пользоваться и собирать нравственное неотъемлемое людьми сокровище» [5. С. 311–312].

Продолжая размышления Н.Д. Фонвизиной о Господе, который, «зная природу каждого из нас, все в жизни каждого уравнивает», Достоевский в свои раздумья о страданиях вводит образ весов: «<...> кажется, при возврате на родину всякому изгнаннику приходится переживать вновь, в сознании и воспоминании, все свое прошедшее горе. Это похоже на весы, на которых свесишь и узнаешь точно настоящий вес всего того, что выстрадал, перенес, потерял <...>» [1. Т. 28/1. С. 176].

По мысли Н.Д. Фонвизиной, и счастье, и горе – «нравственное неотъемлемое людьми сокровище», дарованное человеку Богом. И Достоевский, отвечая на это, пишет: «<...> жаждешь, как «трава иссохшая», веры, и находишь ее, собственно, потому, что в несчастье яснеет истина. Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю

это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных» [1. Т. 28/1. С. 176].

Слова о «траве иссохшей» продолжают и усиливают тему человеческого страдания. См.: «Молитва **страждущего**, когда он унывает и изливает пред Господом печаль свою <...> Сердце мое поражено, и иссохло, как трава, так что я забываю есть хлеб мой <...> Дни мои – как уклоняющаяся тень; и я иссох, как трава» (Пс. 101); «Опустошу горы и холмы, и всю **траву их иссушу**; и реки сделаю островами, и осушу озера» (Ис. 42, 15). Достоевский пишет о том, что именно из страдания и вырос его «символ веры»: «<...> жаждешь, как «трава иссохшая», веры, и находишь ее <...>».

И в первую очередь именно тема страдания связана в его сознании с образами жен декабристов. «Великими страдальцами» он их назвал в главе «Старые люди» «Дневника писателя» 1873 г. См. в письме М.М. Достоевскому от 30 января – 22 февраля 1854 г.: «Ссылные **старого времени** (то есть не они, а жены их) заботились об нас, как об родне» [1. Т. 28/1. С. 169].

Считается, что глава «Старые люди» посвящена В.Г. Белинскому. Действительно, в основе ее – воспоминания Достоевского о нем: «Мне именно припомнился сам Белинский <...> тогда, в первые дни знакомства, привязавшись ко мне всем сердцем, он тотчас же бросился с самой простодушной торопливостью обращать меня в свою веру» [1. Т. 21. С. 8–10]. Эта вера была – социализм и атеизм: «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма» [1. Т. 21. С. 10].

«<...> Я страстно принял всё **учение** его» [1. Т. 21. С. 12], – подчеркивает Достоевский. Представляется, что для понимания «символа веры» Достоевского большое значение имеет это понятие «учение». Учение Белинского – учение социализма и атеизма. Далее здесь ему противопоставляется «учение Христово»: «**Учение Христово** он, как социалист, необходимо должен быть разрушать, называть его ложным и невежественным человеколюбием <...>» [1. Т. 21. С. 10]. (Ср.: «С каким удовольствием я читаю письма Ваши, драгоценнейшая Н<аталья> Д<митриевна>! Вы превосходно пишете их, или, лучше сказать, письма Ваши идут прямо из Вашего доброго, **человеколюбивого** сердца легко и без натяжки» [1. Т. 28/1. С. 175–176]).

Но – «Тут оставалась, однако, сияющая **личность** самого Христа, с которою всего труднее было бороться. **Учение** Христово он, как социалист, необходимо должен был разрушать, называя его ложным и невежественным человеколюбием, осужденным современной наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресветлый лик Богочеловека, Его нравственная непостижимость, Его чудная и чудотворная красота. Но в непрерывном, неугасимом восторге своем Белинский не остановился даже и перед этим недолгим препятствием, как остановился Ренан, провозгласивший в своей полной безверия книге «Vie de Jésus», что Христос все-таки идеал красоты человеческой, тип недостижимый, которому нельзя уже более повториться даже и в будущем» [1. Т. 21. С. 10–11].

Представляется, что в главе «Старые люди» противопоставлены не только два учения, социализм и «учение Христово». Здесь проявлено то, что Достоевский определенным образом различает (разводит между собой?) учение и

личность Иисуса Христа. Учение, по его мысли, возможно «разрушить», но «сияющая личность самого Христа», «пресветлый лик Богочеловека, Его нравственная непостижимость, Его чудная и чудотворная красота» – «неодолимое препятствие» для любого подобного разрушения.

«<...> Я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных». Это – о двух учениях: «<...> я страстно принял всё учение его», Белинского. Это в нем «<...> действительно <...> истина вне Христа».

И далее: «<...> я страстно принял всё учение его. Еще год спустя, в Тобольске, когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге на пересыльном дворе, жены декабристов умолили смотрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами. **Мы увидели** этих **великих страдальцев**, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили все: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чем не повинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли все, что перенесли их осужденные мужья. Свидание продолжалось час. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием – единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге. Я читал ее иногда и читал другим» [1. Т. 21. С. 12].

Учению Белинского, его социализму и атеизму, здесь противостоит не какое-либо, пусть самое справедливое и замечательное, иное учение. «Мы увидели» – «великих страдальцев». «Мы увидели» – декабристок, Н.Д. Фонвизину... Социализму и атеизму Достоевский противопоставляет реальных людей, их человеческий опыт страдания и самоотвержения, их христианский опыт «высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть». Не случайно о Белинском, в частности, сказано: «<...> нравственную ответственность личности он отрицал радикально» [1. Т. 21. С. 10]. Из других воспоминаний Достоевского о женах декабристов: «Что за чудные души, испытанные 25-летним **горем и самоотвержением**» [1. Т. 28/1. С. 169]; «Эту книгу (Евангелие. – Е.Н.), с заклеенными в ней деньгами, подарили мне еще в Тобольске те, которые **тоже страдали** в ссылке и считали время ее уже десятилетиями и которые во всяком несчастном уже давно привыкли видеть брата» [1. Т. 4. С. 67].

Как известно, слова об «истине вне Христа» будут использованы в «Бесах». «Но не вы ли говорили мне, – страстно вопрошает Шатов Ставрогина, – что если бы **математически доказали** вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, нежели с истиной?» » [1. Т. 10. С. 198]. И еще: «Нравственный образец и идеал есть у меня – Христос <...> Христос ошибался – доказано! Это жгучее чувство говорит, лучше я останусь с ошибкой, со Христом, чем с вами... **Живая жизнь** от вас улетела, остались одни формулы и категории, а вы этому как будто и рады» [1. Т. 27. С. 57]. Любая **истина** – это некое «учение», зачастую «математическое доказательство», зачастую «формулы и категории»; но есть «сияющая личность самого Христа» и Его «**живая жизнь**». Живая жизнь великих страдальцев, живая

жизнь страданий самого Достоевского, живая жизнь земного пути Иисуса Христа, его страданий, казни и воскресения.

«Nous serons avec le Christ»¹, – провидчески сказал Достоевский на эшафоте [10. С. 188]. В 1877 г. он напишет: «Я социалист, но переменяю идеал с эшафота. Великая идея Христа, выше нет» [1. Т. 26. С. 185]. Экзистенциальный опыт собственного страдания на эшафоте – вот что вместил в себя тот год, который прошел для Достоевского между верой в учение Белинского и встречей с женами декабристов. М.М. Бахтин (которого мы нередко считаем философом, не обращавшимся к христианской проблематике) следующим образом определил суть отношения Достоевского к Христу: «<...> **следование** за ним <...>» [9. С. 113].

Отсюда – «символ веры» Достоевского: «Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной».

Отсюда – и финал «Записок из Мертвого дома»: «Да, с Богом! Свобода, новая жизнь, **воскресенье из мертвых**... Экая славная минута!» Н.Д. Фонвизина также напишет: «<...> Вы **воскреснете** душою и здоровьем <...>» [5. С. 312]. «Nous serons avec le Christ».

Методологически «символ веры» Достоевского представляется своеобразным «зерном», истоком, началом всего русского религиозного философствования конца XIX–XX вв. с его специфическим отличием от канонического богословия. Богословие реализуется в каноне, по отношению к Логосу, Истине. Русская же религиозно-философская мысль рождается и развивается как сложный, неоднозначный, зачастую противоречивый процесс сопряжения христианской истины и живой жизни.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
2. Дудкин В.В. Михаил и Федор Достоевские: феномен братства // Достоевский и мировая культура. 2010. Альм. № 27. С. 9–20.
3. Францева М.Д. Воспоминания // Исторический вестник. 1888. Т. 32–33.
4. Громыко М.М. Наталья Дмитриевна и ее окружение // Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850–1854 / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1985. С. 69–102.
5. Кайдаш С. Достоевский и Фонвизина // Вопр. лит. 1981. № 5. С. 307–313.
6. Кайдаш С. Та, с которой образован Татьяны милый идеал... // Наука и религия. 1976. № 1. С. 43–47.
7. Кайдаш С.Н. «Та, с которой образован Татьяны милый идеал...» // Кайдаш С.Н. Сильнее бедствия земного: Очерки о женщинах русской истории. М., 1983. С. 106–128.
8. Кайдаш С. «Самый свободный долг» Фонвизиной-Пушиной // Кайдаш С.Н. Сила славы: Женщины в истории России (XI–XIX вв.). М., 1989. С. 181–227.
9. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.

¹ «Мы будем вместе с Христом» (франц.). Слова, сказанные Достоевским на эшафоте Н.А. Спешневу.

10. *Записка* о деле петрашевцев. Рукопись Ф.Н. Львова с пометками М.В. Бутаевича-Петрашевского / публ. В.Р. Лейкиной-Свирской // Герцен и Огарев. Вып. 3. Изд-во АН СССР, 1956. С. 183–195. (Литературное наследство; Т. 63).

"CHRIST BEYOND THE TRUTH" AND "TRUTH BEYOND CHRIST": F.M. DOSTOEVSKY AND N.D. FONVIZINA.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 3 (29), pp. 143–152. DOI 10.17223/19986645/29/12
Novikova Yelena G., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

Keywords: F.M. Dostoevsky, N.D. Fonvizina, Decembrists, Russian literature, Russian religious philosophy.

The article examines the famous "symbol of faith" of Fyodor Dostoevsky expressed in his letter to Decembrist N.D. Fonvizina of the end of January – February 20, 1854. It is the first time this well-studied and commented text has been considered on the background of the personal relationship between Dostoevsky and Fonvizina. The aim of this article is to analyze the "symbol of faith" in the context of Dostoevsky's perception of Fonvizina's personality and way of life, as well as in terms of the "Decembrist wives" theme in the writer's works. The article draws on the biographical, comparative historical, intertextual and motive methods of literary analysis of the text.

It is the first time Dostoevsky's letter is studied in comparison with Fonvizina's letter of November 8, 1853 (preserved in the draft form), to which the writer's letter was the answer. At the time of writing these letters Dostoevsky and Fonvizina were united by their common Siberian destiny, and the general situation of the "resurrection from the dead": Dostoevsky left the penal colony, the Fonvizins left Siberia. The common topic of these two letters by Fonvizina and Dostoevsky was human suffering the writer reflects about basing on biblical texts.

It is shown that it is the topic of suffering that Dostoevsky associates with the images of the Decembrists' wives.

This is also proved by the chapter "Old People" in Dostoevsky's *A Writer's Diary* (1873) which contains a continued reflection of the writer about his "symbol of faith". Here it becomes evident that seeking to clarify his "symbol of faith" Dostoevsky distinguishes the personality of Jesus Christ and his doctrine. He believed the doctrine may be destroyed, but the "radiant personality of Christ" is an "insurmountable obstacle" for any such damage. He expressed the same thoughts earlier in his novel *Demons*.

It is believed that the chapter "Old People" is dedicated to V.G. Belinsky. But after the memory of the writer comes the memory of the wives of the Decembrists: Dostoevsky wanted to oppose Belinsky's teaching, his socialism and atheism to the life experiences of real people, the great Christian experience of suffering and self-sacrifice of the Decembrists' wives, their fate of fulfilling the highest moral duty, the absolutely free duty.

On this basis, the article proposes a hypothesis of a possible interpretation of the "symbol of faith" as Dostoevsky's rejection of any "truth" in the name of the "radiant personality of Christ". This allows resolving the striking opposition of "Christ" and the "truth" which has been repeatedly discussed in the works about the writer, the opposition of God the Son Jesus Christ, who is the truth, and the truth.

REFERENCES

1. Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters]. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990.
2. Dudkin V.V. Mikhail i Fedor Dostoevskie: fenomen bratstva [Michael and Fyodor Dostoevsky: the phenomenon of brotherhood]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*, 2010, no. 27, pp. 9–20.
3. Frantseva M.D. Vospominaniya [Memories]. *Istoricheskiy vestnik*, 1888, vol. 32–33.
4. Gromyko M.M. *Sibirskie znakomye i druz'ya F.M. Dostoevskogo. 1850–1854* [Siberian friends and acquaintances of F.M. Dostoevsky. 1850–1854]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1985, pp. 69–102.
5. Kaydash S. Dostoevskiy i Fonvizina [Dostoevsky and Fonvizina]. *Voprosy literatury*, 1981, no. 5, pp. 307–313.
6. Kaydash S. *Ta, s kotoroy obrazovan Tat'yany milyy ideal* [The prototype of Tatiana's sweet ideal]. *Nauka i religiya*, 1976, no. 1, pp. 43–47.
7. Kaydash S. N. *Sil'nee bedstviya zemnogo: Ocherki o zhenshchinakh russkoy istorii* [Stronger than a disaster on the earth: essays on women in Russian history]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1983, pp. 106–128.

8. Kaydash S. N. *Sila slabykh: Zhenshchiny v istorii Rossii (XI-XIX vv.)* [Power of the weak: women in the history of Russia (11th-19th centuries)]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1989, pp. 181-227.

9. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. M: Sovetskaya Rossiya, 1979. 320 p.

10. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. Vol. 63, pp. 183-195.